

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

БЕРЛИНСКАЯ ОХОТА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Берлинская охота / Валерий Шарапов. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-226071-1

1945 год. Непокойно в послевоенном Берлине и его пригородах. Недобитые банды нацистов нападают на важные объекты, похищают и убивают мирных жителей. Для ликвидации беспорядков из Москвы прибывает специальная группа подполковника Александра Василькова. Вскоре в руки чекистов попадает любопытный список. В нем, среди прочих, значатся имена людей, которые пропали в окрестностях Берлина за последнее время. Ясно, что все жертвы как-то связаны между собой. Но как? У Василькова появляется версия. Но первым делом необходимо поймать главаря недобитков. Для этого подполковнику придется оказаться на самом остром опасной операции...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226071-1   © Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СССР, Москва; начало сентября 1945 года

По пустым улицам ночной Москвы ехал кортеж из шести легковых автомобилей. Пассажиры явно спешили — автомобили мчались на небольшой дистанции друг от друга, а крутые повороты проходили, не сбрасывая скорости, с тонким визгом покрышек. Подъезжая к пересечению Рождественки и Пушечной, кортеж сбавил скорость и остановился аккуратно у освещенного входа в гостиницу «Савой».

Из автомобилей горохом высыпались крепкие мужчины — кто в гражданских костюмах, кто в темно-синей милицмейской форме. У некоторых в руках поблескивали автоматы.

Рослый тридцатилетний брюнет в темном гражданском костюме никуда не спешил. Заложив руки за спину, он задумчиво осматривал фасад здания. Рядом суетился пожилой мужчина в форме полковника милиции; он, напротив, был чрезмерно активен.

— Ларин, Лойко, Соколов — служебный выход! Сыч, Говорков, Панченко — фойе с главной лестницей и лифтом! — отдавал он команды хорошо поставленным голосом. — Кондратюк, Богданович, Бондарев — к окнам гостиницы!

Осмотрев здание, брюнет в штатском бросил взгляд влево вдоль Рождественки, через квартал упиравшейся в широкий Театральный проезд. Прищурившись, он чему-то усмехнулся.

— Все готово, Александр Иванович, — шагнул к нему полковник.

— Что ж, действуйте, как мы условились, — кивнул тот. И напомнил: — Четвертый этаж, номер 412.

— А вы?

— Я останусь здесь.

— Александр Иванович, начальство сотрет меня в мелкую пыль, если с вами что-то случится.

— Не волнуйтесь, поживете еще, — улыбнулся брюнет. — Да и мне рановато на суд божий.

Полковник неуверенным жестом поправил милицейскую фуражку и негромко напомнил:

— Волошин лютует. Его банда за последний месяц отправила на тот свет шестерых.

— Я в курсе...

Полковник и пять его подчиненных исчезли внутри гостиницы. На ночной улице остались трое милиционеров, расположившиеся между легковыми автомобилями.

Брюнет, которого полковник уважительно называл Александром Ивановичем, не спеша направился по Пушечной. На ходу он вынул из кармана американский револьвер, проверил наличие патронов в барабане и вскоре исчез в темноте...

Минуты через три ночную тишину разорвали крики и стрельба внутри гостиницы. Дежурившие на улице милиционеры встрепнулись, двое поправили автоматы.

Внезапно послышался резкий удар. Стекла одного из окон четвертого этажа со звоном разбились — наружу вылетел стул. К выстрелам добавились грохот и звон падающих на асфальт осколков.

Из разбитого окна проворно вылез парень — босой, в одних темных брюках. Цепляясь за подоконники и выступающие архитектурные элементы фасада, он начал спускаться.

До тротуара оставалось метров пять, когда коротко огрызнулся один из милицейских автоматов. Веер свинца полоснул по серой штукатурке здания, задев спину парня. Тот вскрикнул, разжал ладони и полетел вниз. Удар о землю был несильным, но парень так и остался лежать на асфальте в расплывшейся луже крови.

Сверху снова раздался звон разбитого стекла. Дежурившие на улице милиционеры подняли головы, но вместо очередного стула заметили высунувшуюся руку с пистолетом.

В ночи прозвучало восемь быстрых пистолетных выстрелов. Один сотрудник получил пулю в голову, второй схватился за плечо. Третий пригнулся и проворно спрятался за автомобилем...

* * *

Гордей Волошин и молодой Васька, подобно ловким обезьянам, быстро спустились по карнизам, прыгнули на асфальт и бросились к Пушечной. Позади запоздало протрещала автоматная очередь. В молоко. Ни одна из пуль беглецов не задела.

Нырнув за угол, Волошин пробежал до конца гостиницы и оглянулся:

— Живее, Васек! Живее!

Прихрамывающий и державшийся за бедро Васька приотстал.

— Не могу, Гордей! В номере зацепило!

Позади, за углом здания гостиницы, слышались топот и громкие команды. Волошин огляделся по сторонам. До Неглинной было далековато — не успеть. Единственным укрытием оставался подъезд соседнего с гостиницей дома. В тридцатых годах в этом здании располагался Дом учителя, во время войны в него заехали несколько учреждений, позже внутренние помещения переделали под служебные квартиры, и единственный подъезд за высокой деревянной дверью всегда оставался открытым.

— Сюда! — прошипел Волошин.

Схватив Ваську за шиворот, он рванул старинную медную ручку. Скрипнув, массивная дверь приоткрылась, пропуская в спасительную прохладу подъезда...

В небольшом холле пахло пылью и было очень темно, но чуть дальше пробивавшийся с верхних этажей свет очерчивал контуры чугунной лестницы.

Едва Волошин прикрыл за собой дверь, как снаружи слышались топот и голоса. Бандиты замерли...

С десятков преследователей пробежали мимо высокой двери. Эхо от шагов металось между зданиями пустынной Пушечной и постепенно угасало.

Выдохнув с облегчением, Волошин прислонил Ваську к стене, вынул из пистолета пустой магазин и принялся снаряжать его патронами. Васька согнулся пополам, тяжело дышал и ощупывал рану на бедре.

— Нога плохо слушается — вся штанина в крови, — прошептал он. — Не уйти мне, Гордей.

— Не тушуйся, Васек, со мной не... — начал Волошин, но вдруг осекся, обмяк и повалился на холодный каменный пол.

Васька вздрогнул, распрямился. Настороженно вглядываясь в темноту, прислушался... И вдруг почувствовал, как в бок уперлось что-то твердое.

— Не дури, — слышался строгий мужской голос. — Одно резкое движение — и получишь вторую за ночь пулю.

Сглотнув вставший в горле ком, Васька прохрипел:

— Понял.

Неизвестный мужчина ловко обыскал его, вытащил из-за пояса маленький браунинг и приказал:

— Медленно открой дверь, заведи руки за голову и выходи на улицу.

Молодой бандит подчинился: толкнул тяжелую дверь, пристроил ладони на затылке и, припадая на поврежденную ногу, протиснулся наружу.

* * *

Добежав по Пушечной до Неглинной, полковник остановился. Остановились и бежавшие следом подчиненные. Все тяжело дышали.

Полковник прищурился, всматриваясь в пустынную улицу. Беглецов видно не было ни слева, ни справа. Он в недоумении покачал головой — не могли пропитые и прокуренные бандиты так быстро миновать двухсотметровый квартал и раствориться в ночной Москве. Не могли! Они явно где-то схоронились. Но где?!

— Товарищ полковник! — окликнул молодой сержант. — Гляньте, позади у гостиницы какое-то движение.

Полковник резко обернулся.

— Верно. А ну за мной...

БЕРЛИНСКАЯ ОХОТА

Милиционеры поспешили в обратном направлении.

Через сотню метров полковник разглядел Александра Ивановича, стоящего у подъезда соседнего с гостиницей здания и держащего за шкурку молодого бандита.

— Вы опять нас обставили! — крикнул он, сбавляя темп.

— Волошин лежит за дверью, — сообщил Александр Иванович.

Несколько милиционеров тотчас вошли в подъезд.

Полковник, тяжело дыша, остановился рядом.

— Надеюсь, вы... когда-нибудь поделитесь секретом...

— Каким?

— Как у вас все это так получается... Легко и непринужденно...

— Нет никакого секрета, — улынулся Александр Иванович. — Четыре года службы в дивизионной разведке, около сотни вылазок за линию фронта, шесть ранений. Плюс хорошие наставники в Московском уголовном розыске.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Советская зона оккупации Германии, Берлин; середина сентября 1945 года

До рассвета оставалось около часа, когда в окнах дома под вывеской BÄCKEREI¹ загорелся свет. Это был обычный ритуал, связанный с началом рабочего дня. Умывшись и выпив чашку морковного кофе, пожилой Алоиз принялся разжигать большую печь; его супруга Марта, надев фартук и ополоснув руки, достала выдержанное тесто и начала ловко раскладывать его по смазанным маслом формам.

Они занимались этим ремеслом каждый день на протяжении почти тридцати лет. Просыпались в половине пятого и не разгибая спины трудились, чтобы к восьми утра — к окончанию действия комендантского часа — в магазинчике при пекарне появлялся свежеиспеченный хлеб. Потом Марта вставала за прилавок и до пяти часов вечера продавала румяные булки, приветливо улыбаясь постоянным покупателям. Алоиз в это время разъезжал на повозке по се-

---

¹ BÄCKEREI (нем.) — пекарня.

верным предместьям Берлина, закупая дрова, пшеничную муку, свежие яйца, растительное масло, живые дрожжи, сахар, соль... в общем, все то, без чего не обошлась бы выпечка настоящего, а не суррогатного хлеба. После распродажи хлеба и возвращения Алоиза супруги обедали, а в шесть вечера весь процесс начинался с самого начала: чистка печи, уборка в пекарне, просеивание муки, замешивание теста...

Утро было обычным. В столь же раннее время поднимались рабочие-путейцы, дворники, водители общественного транспорта, а также горожане, назначенные военной администрацией на работы по разбору разрушенных зданий. Всем этим людям при наличии соответствующих документов разрешалось выходить из дома и следовать к местам работы, невзирая на действие комендантского часа. Однако имелось сегодняшним утром и одно отличие, заметить которое суждено было не всем.

Когда небо на востоке просветлело, из подступавшего к городской окраине леса вышли шестеро немецких военнослужащих в полевой эсэсовской форме. Оглядываясь по сторонам и стараясь не производить шума, они быстро направились к ближайшей улице...

* * *

В пекарне все было расписано по минутам. Алоиз подкидывал в печь дрова и прибирался в крохотном магазине, состоявшем из одного прилавка. Марта

раскладывала по формам вторую партию теста. Когда поспевала первая, супруги ловко выхватывали ее из раскаленного жерла. Затем с той же проворностью помещали туда следующие формы, а горячие булки раскладывали по чистым деревянным лоткам.

Все это Алоиз с Мартой делали молча, понимая друг друга по одному лишь взгляду или короткому жесту. Работа спорилась — болтать или отвлекаться по пустякам было некогда. Упустишь минуту — и дюжина булок отправится в отходы. Такой «роскоши» в нищем послевоенном Берлине никто позволить себе не мог...

Тем временем группа немецких солдат осторожно пробиралась по сонным улочкам городской окраины. Возглавлял группу Матиас Фукс — штурмшарфюрер СС¹, опытный вояка, впервые понюхавший порох в апреле 1940 года в Датско-норвежской операции. Последние три года Фукс провел на Восточном фронте, после чего взгляд его стал злым и холодным.

На одном из перекрестков он подошел к краю здания, остановился, осторожно посмотрел за угол и вскинул правую руку. Подчиненные замерли. Жест означал, что неподалеку находятся те, с кем не следовало встречаться.

---

¹ Штурмшарфюрер СС — старшее унтер-офицерское звание в СС и СА, соответствующее званию штабс-фельдфебеля в вермахте, а в российской армии штабс-фельдфебель соответствует старшему прапорщику.

Развернувшись, штурмшарфюрер быстро пошел назад, стараясь бесшумно ступать по мощеному тротуару. Его стремительное возвращение тоже не предвещало ничего хорошего, и эсэсовцы завертели головами в поисках временного укрытия.

«Сюда!» — кивнул Фукс на развалины сгоревшего дома.

Шестеро вояк, считавших, что война еще не проиграна, быстро исчезли в развалинах. Спустя несколько секунд по прилегающей улице прошли трое мужчин. На боку одного висела сумка почтальона, двое других были похожи на путевых обходчиков.

* * *

Алоиз бросил взгляд на супругу: «Пора!» Как только она вооружилась длинной тряпкой, он распахнул дверцу печи и невольно отвернул в сторону лицо от обжигающей волны раскаленного воздуха.

Марта подхватила формы с готовыми булками, сделала шаг назад, повернулась к столу. Прикрыв дверцу, Алоиз помог высыпать булки и тотчас принялся наполнять ими деревянный лоток.

На стеллажах у дальней стены уже стояло несколько покрытых рогожей лотков с горячими булками. Через полчаса Алоиз перетащит их к прилавку магазинчика, откроет его входную дверь, и Марта начнет торговлю. Ну а пока следовало заняться последней партией выпечки...

За четверть часа до открытия магазинчика при пекарне к двери дома подошли эсэсовцы. Фукс негромко постучал.

Дверь открыла Марта, думая, что кому-то срочно понадобилось купить хлеб до открытия магазина. Такое раньше случалось — в неурочный час приходилось продавать горячие булки служащим железной дороги или рабочим, назначенным на ремонт дорог далеко за городом. Однако на этот раз за дверью оказались вооруженные люди в полевой униформе СС.

Марта удивленно вскинула брови, но сказать ничего не успела — Фукс стиснул ее рот ладонью и затолкал в мрачное нутро коридора. Остальные проворно двинулись следом...

Не прошло и двух минут, как немецкие военнослужащие покинули дом пекарей. Штурмшарфюрер по-прежнему шел первым. За ним, не отставая, тащили мешки со свежим хлебом четверо подчиненных. Последним из темного дверного проема вынырнул худой небритый Пауль. Поправив поясной ремень с болтавшимся в ножнах длинным кинжалом, он трусцой пустился догонять товарищей.

Так же воровато оглядываясь и стараясь не попадаться на глаза горожанам, эсэсовцы проследовали по узким улочкам до крайних домов, соседствующих с лесом. Затем, пригнувшись, пересекли неширокое открытое пространство и исчезли за высоким кустарником.

БЕРЛИНСКАЯ ОХОТА

В лесу, негромко радуясь удачной вылазке, они отыскивали спрятанные под ветвями мотоциклы. Затахтели моторы. Штурмшарфюрер Фукс надвинул на глаза защитные очки и махнул рукой в сторону густой чащи.

Оставив над круглой полянкой сизый дымок, три мотоцикла исчезли за частоколом деревьев.

* * *

За десять минут до открытия магазина в пекарне было непривычно тихо. Лишь в раскаленном печном жерле весело потрескивали дрова, а из открытой топочной дверки с низким гулом вырывались лепестки желто-красного пламени.

Рядом с печью лежал Алоиз, устремив в потолок наполненный болью взгляд. Его грудь несколько раз судорожно вздыбилась, наполняя легкие воздухом и... навсегда успокоилась. Побелевшие пальцы левой ладони впились в березовое полено. Правая ладонь медленно прочертила по полу кровавый след и остановилась.

Его супруга Марта лежала в темном коридоре, уткнувшись лицом в сморщенный самотканый половик. Из ее перерезанного горла растекалась большая черная лужа...